

Есть люди, которые становятся для другого человека близкими и родными, хотя кровной связи между ними и нет. Но существует связь, возникшая вдруг и ниспосланная откуда-то свыше. И это связь – духовная.

Таким родным, очень близким в смысле духовной близости человеком для меня на всю жизнь стала Елена Григорьевна Агапова, автор настоящих воспоминаний о своей жизни в искусстве, необыкновенной души, обаяния, благородства и редкой внутренней и внешней красоты женщина...

Случай привёл меня, старшеклассника, в Канавинский Дом пионеров, где во главе драмкружка стояла Елена Григорьевна.

Ребята, населявшие кружок, были возраста отнюдь не пионерского, но выше пионерского. Скорее комсомольского.

До девятого класса я никогда не бредил сценой, не помышлял о ролях, не мечтал о появлении на подмостках в каких-либо образах. Но, видно, так было где-то начертано, что я должен был очутиться в упомянутом Доме. Это были два года счастливых встреч, открытий и обретений друзей и театра, чуда, которое несут театральные подмостки.

Елена Григорьевна сеяла в наших открытых сердцах семена любви к русской и мировой литературе, к сценическому искусству. Она ставила с нами сцены из «Горе от ума», «Грозы», трилогии о Бальзинове и других пьес А. Н. Островского, из романов Льва Толстого «Воскресение» и «Анна Каренина». Мы, её воспитанники, читали стихи Пушкина, Лермонтова,



Репетиция сцены с Лизой – «Горе от ума». Саша Мюрисеп в роли Фамусова

Некрасова и других великих поэтов. Она изобретательно поставила с нами пьесу XVIII века знаменитого француза, продолжателя традиций Мольера, Алена Рене Лесажа «Криспен – соперник своего господина»...

К нам в Дом пионеров приходили друзья Елены Григорьевны – актёры театров, мы с восхищением встречались с её учениками – воспитанниками этого Дома, которые учились теперь в московских театральных вузах. Там же я познакомился с легендарным Виталием Александровичем Лебским... Стал бывать в их гостеприимном доме.

Так уж случилось, что к моменту окончания школы Елена Григорьевна в Доме пионеров уже не работала. В те годы она помогала семье сына растить маленького Алёшу Лебского, внука. Но моё общение продолжалось. Она советовала мне, что читать при поступлении в Московские театральные вузы, слушала, объясняла – репетировала. Написала рекомендательное письмо одной вахтанговской актрисе, работавшей тогда в Щукинском. Письмо погоды не сделало, но «всё же, всё же, всё же...»

Елена Григорьевна прекрасно была осведомлена, чем моя голова была занята, знала о симпатиях, пристрастиях и антипатиях своего подопечного. Мы вели с ней долгие беседы об увиденных мною спектаклях, фильмах, о школьных делах, о театре, о жизни... Помню, как-то зашёл у нас с ней разговор о «врагах народа». Она с убеждённостью, ей свойственной, сказала: «Я думаю, что все они искренне желали сделать жизнь в нашем Отечестве лучше». Я тогда поразился её добросердечию, и слова её запали в меня...

Я, конечно, уже ведал, что она и Виталий Александрович воспитали целую плеяду артистов, которые становились в то время в ряд ведущих артистов не только театров города, но и страны.

Новые обстоятельства жизни уводили меня от древнего деревянного дома с печным отоплением на Верхне-Волжской набережной, где испокон веку жила семья Лебских, но я не забывал о нём, и пусть нечасто, но возвращался в тот старый дом...

Не стало Виталия Александровича. Я помню его похороны. Событие это собрало в училище на Фигнер-Барварке многих: бывших кружковцев, тогдашних студентов, коллег, его учеников (кто-то приехал из других городов, из наших столиц)... Тело любимого учителя несли преданные его ученики сороковых-пятидесятых – известные всей стране артисты.

В то время я уже работал в училище преподавателем... Но вскоре ушёл в театр, уехал в другой город...

С Еленой Григорьевной мы не часто, но регулярно переписывались. Из писем я узнал, что моя первая учительница работает над историей театрального образования в Нижнем-Горьком.

Познакомился с работами Елены Григорьевны я уже после её ухода. Юрий Витальевич, удивительно преданный памяти родителей человека, проделал грандиозный труд, работая над рукописями. Он произвёл набор текста на компьютере, сделал примечания к написанному, комментируя то, что современный читатель может не знать и не понять, он, трудясь над домашним архивом, нашёл и идентифицировал множество фотографий, ставших историей становления нижегородского театра, театрального образования, ставших историей Нижнего Новгорода.

И вот в самом начале девяностых, в те дни, когда я возвратился из « дальних странствий », получаю от Юрия Витальевича листочки с распечаткой набора рукописи Елены Григорьевны, сделанного ещё на советском компьютере, под названием *«Воспоминания Елены Григорьевны Агаповой, выпускницы 1931 года Нижегородского Музтеатехникума»*.

Уже тогда открылись неизвестные мне счастливые и драматические страницы жизни дорогой моей первой учительницы. Меня поразили строки воспоминаний, наполненные необыкновенным чувством любви к искусству театра, к Нижегородской сцене, к театру, руководимому Николаем Ивановичем Собольщиковым-Самариным, к его актёрам. Открылось и малоизвестное мне дотоле явление, каким были так называемые «колхозные театры». Государство предельно серьёзно относилось к тому новому, что явил собой этот театр, к тому, что называется «художественностью спектакля». Вахтанговцы – столичные артисты и режиссёры – стояли во главе театров, базирующихся в районных центрах нашей области. Они самоотверженно – другого слова и не найти – работали в непростых условиях над репертуаром колхозных театров, воспитывали молодых артистов... И, наконец, главное, что я, конечно, чувствовал, общаясь с Еленой Григорьевной и Виталием Александровичем, и чему получил я здесь, в этих записках, подтверждение. Оба они, и Елена Григорьевна и, разумеется, Виталий Александрович осознанно служили театру, сценическому искусству. Эта осознанная необходимость служения воспитывались семьёй, окружением, их педагогами, наконец. И это, главное, они передавали своим ученикам. Таким пониманием искусства театра, «кафедры, с которой можно много сказать миру добра», говоря словами Н. В. Гоголя, они примером своей жизни наполняли и нас, своих воспитанников.

Артистическое тщеславие жило, конечно, и в советские времена. Но «славные» 90-е создали замечательные условия для расцвета эгоизма в искусстве, раскачивали устои и активно разрушали традиции, создаваемые великими деятелями русского и советского театра ушедших лет. Новые времена формулировали новые задачи: прославиться любой ценой! На пути к известности и славе можно пренебречь или плонуть на автора той или иной пьесы, уничтожить авторские мысли, идеи, мечты и страдания, можно вывернуть предлагаемые обстоятельства как угодно и куда угодно. Необыкновенно занятно, например, поместить их в сферу психо- или сексопатологии, и т. д., и т. д. И, конечно, замечательно будет, если высмеять всё на свете! Святого – нет! Это – не доходно! Святы – «мани»!..

Подлинный интеллигент, деликатный, благородный и душевный человек, благодарный партнёрам и добру, без тени актёрской позы и человеческой наглости, свой горький актёрский хлеб Елена Григорьевна вкусила сполна. Зависимость актёра от многих обстоятельств она ощутила всем существом своим. Мне очевидно, что её одарённость и талант в силу многих обстоятельств были реализованы далеко не в полной мере. Но она, актриса Елена Агапова, безусловно, испытала радость творчества, чувство удовлетворённости от работы над спектаклями и своей необходимости в коллективном деле, каким является театр и в



Репетирует Елена Григорьевна Агапова

Колхозном театре, и в Горьковском театре драмы. Но в большей мере и в первую очередь – с режиссёрами и артистами Вахтанговского театра!..

В годы работы в Колхозном театре, художественным руководителем которого был Иосиф Моисеевич Толчанов (актёр театра и кино, театральный режиссёр, педагог, в будущем Народный артист СССР, лауреат Сталинской премии), она раскрылась как большая актриса, конечно, в роли Вассы. Эта была огромная и серьёзная работа, замеченная крупной критикой и сделанная совместно с Николаем Павловичем Яновским – режиссёром, артистом и педагогом... Отмечены глубокой разработкой характера и выразительным исполнением роли Веры Ивановой в спектакле Горьковского театра драмы по пьесе А. Арбузова «Домик в Черкизове». Были актёрские удачи в спектаклях по пьесам А. Н. Островского...

Работая в I Колхозном театре, Елена Григорьевна начала овладевать педагогической системой воспитания актёра, системой Станиславского, под руководством ученицы Евгения Багратионовича Вахтангова, актрисы вахтанговского театра Елизаветы Владимировны Ляданской. Успешные пробы в педагогической работе разовьются и в будущем достигнут блестательных результатов и вершин в творческих судьбах воспитанных ею учеников в Горьковском театральном.

Чем характеризовалась её педагогическая деятельность? Это, прежде всего, любовь к людям, желающим по-настоящему постичь актёрскую профессию и равно с нею – профессиональная оснащённость. Мечтательница, Елена Григорьевна была образованным, начитанным и пытливым человеком, много знала и при этом умела передать свои знания и пони-



мание того, что есть художественный образ, ученику, воплощающему сценический персонаж в «театральную быль». Делала она это с мощной силой убеждённости и с поразительным по глубине видением, которое, несомненно, попадало в сознание её воспитанника. И ещё. Она обладала незаурядным терпением в достижении поставленной цели или задачи.

Актёры знают, как это порой непросто уложить в своей голове всё то, из чего потом складывается роль, и сколько усилий и терпения требуется от режиссёра-педагога, чтобы на сцене родился полноценный художественный образ...

Думая о её жизни, меня неотвязно посещает мысль: может быть, и ещё одно из её предназначений – сохранить память о людях театра России и Нижнего, память о людях двадцатого столетия...

...Встречаясь с Еленой Григорьевной в драматическом кружке Канавинского Дома пионеров, я как-то захватил с собою фотоаппарат и сделал несколько снимков во время репетиции и после неё. Фотографии эти неизвестны. В то же время мне никогда не попадались фотоснимки, запечатлевшие Елену Григорьевну во время репетиций. Думаю, это будет первая публикация.



Михаил Сама!
Очень рада бance
узнать тебя и
не хочется бы
скоро расстаться
с тобой.

Елена Григорьева

И ещё. Она написала мне несколько строк на обороте своей фотографии, сделанной в те же времена. Вот эта фотография, и слова.

Я и не расстаюсь с Вами, дорогая моя Елена Григорьевна...

Александр МЮРИСЕП,
ученик Е. Г. Агаповой

1960 год. Дорогая Елена Григорьевна